

О. Ф. Скакун

ПРАВОСОЗНАНИЕ — КОМПОНЕНТ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ИЛИ ЕЕ ПРЕДСИСТЕМА?

В отечественной юридической литературе, казалось бы, утвердилось мнение о том, что правосознание является неременным компонентом правовой системы [1, с. 129; 2, с. 114—115; 3, с. 135; 10, с. 19; 12, с. 16—18; 17, с. 194; 22, с. 484]. Правосознание, интегрируемое правовой культурой, как и правомерное поведение, правопорядок, отнесено учеными-правоведами к правовым явлениям, которые служат общими правовыми средствами в правовой системе, так называемыми средствами-действиями [9, с. 46; 13]. Общим правовым средствам принадлежит менее активная роль, чем специальным правовым средствам (запреты, дозволения, обязывания, рекомендации, поощрения, наказания, нормы права, правоотношения, субъективные права и обязанности, акты непосредственной реализации норм права, акты применения норм права, акты толкования норм права и др.). Общие правовые средства, будучи составной частью механизма правового влияния — большего по объему правового явления (в его структуру входят и специальные правовые средства), чем механизм правового регулирования, помогают определить особенности групп и типов (семей) правовых систем.

Однако наряду с такой позицией ряд российских правоведов, в частности С. В. Черниченко в статье «Вопрос в соотношении международного и внутригосударственного права как правовых систем (Размышления по поводу некоторых книг коллег)», содержащей богатый материал для размышлений благодаря широкой эрудиции и глубине знаний ее автора — известного ученого, высказывает мнение о том, что «вряд ли в нее (правовую систему. — *О. С.*) должно включаться правосознание, о каком бы виде ни шла речь» [24, с. 9]. При этом правосознание квалифицируется как питательный, исходный материал правовой системы, «так сказать, предсистема». При справедливом заявлении о том, что «право как система норм без правосознания мертво» [24, с. 9], делается

категоричный вывод: правосознание не является ни частью права, ни «частью правовой системы» [24, с. 9]. Указанное мнение ставит под сомнение правильность освещения отечественными правоведами правосознания как компонента правовой системы. Востребованным является ответ на вопрос: правосознание есть исключительно предсистемой правовой системы, ее питательным материалом, или входит в структуру правовой системы как ее непременный компонент.

Для выявления соотношения правосознания и правовой системы рассмотрим основные аргументы автора указанной статьи, выступающего против включения правосознания в структуру правовой системы.

Аргументация уважаемого ученого диктуется соображениями о том, что имеется «два разных значения правовой системы». Одно из этих значений напрямую связывается с проблемой взаимодействия международного и внутригосударственного права и, как следует из текста статьи, именно эта проблема стимулирует исключение ряда компонентов (системы органов, учреждений, принимающих участие в разработке правовых норм, их принятии и/или применении и др.) из структур правовых систем — внутригосударственных и международных. Мы не касаемся вопроса о соотношении международного и внутригосударственного права, межгосударственной и внутригосударственной правовых систем (освещение этого вопроса является целью статьи, которая анализируется). Главное наше внимание обращено на отрицание автором этой статьи такого компонента структуры правовой системы, как правосознание, и отсюда, как представляется, — на неполноту определения понятия правовой системы (независимо от признания ее «разных значений»).

Сначала воспроизведем предложенное уважаемым автором определение понятия внутригосударственной правовой системы, чтобы убедиться в исключении из него такого компонента, как правосознание. Внутригосударственная правовая система — это «единство внутригосударственных правовых норм (и индивидуальных установок) с порождаемыми ими субъективными правами и обязанностями, внутригосударственными правовыми связями, внутригосударственными правоотношениями и тем самым с устанавливаемым внутригосударственным правопорядком» [24, с. 18–19]. Считаем, что дефиниция внутригосударственной правовой системы, хотя и логична, однако несколько сужена. Ее сужение усматривается в: 1) акценте главным образом на последствиях правотворческой деятельности, без учета как его субъектов, так и объектов — индивидуальных и коллективных; игнорирование тех элементов правовой системы, которые выполняют в ней общие функции, прежде всего такого элемента, как правосознание; 2) ограничении внутригосударственной правовой системы сугубо *внутренними* связями и отношениями, при одновременной констатации, что внутригосударственное право шире национального. Поскольку второй вопрос не заявлен в качестве предмета рассмотрения в нашей статье, остановим внимание на первом

(хотя можно поспорить с категоричностью положения об ограничении правовой системы государства исключительно внутренними связями).

Основным аргументом уважаемого ученого в пользу того, что правосознание не является частью правовой системы, служит квалификация правовой системы как нормативно-правового феномена. К правовой системе он относит все то, что имеет нормативный, внешний, характер. Утверждается, что правовая система «начинается там, где существуют нормы». Отсутствие нормативной основы у правосознания, наличие у него главным образом «внутреннего» выражения (психологического — эмоционального и интеллектуального плана)» [24, с. 9] служит определяющим для вывода о том, что правосознание не может считаться компонентом правовой системы. Так ли это?

Относительно того, что правовая система предполагает наличие норм права, не может быть возражений. Именно система права составляет основной регулятивный (нормативный) элемент правовой системы. Сами нормы права есть результат, как государственной регламентации общественных отношений, так и автономного регулирования, исходящего от институтов гражданского общества, системы местного самоуправления, инициативных граждан [15, с. 53]. Действительно, нормы права — плод развития общественных отношений, коммуникации, конфликта и компромисса, эквивалентного обмена деятельностью между социализированными индивидами. В нормах права типизируются сходные потребности и интересы людей, объективируются постоянно воспроизводимые социальные обстоятельства, интерпретируется социальная практика. Система норм права — результат продолжительного общественно-вырабатывания моделей поведения и процедур их осуществления. При этом нормы права, служащие специальными средствами правовых систем, как и сами правовые системы, не «прячут в облаках», а существуют в конкретном месте в конкретное время.

Прежде всего, вызывает возражение суждение автора указанной статьи о том, что правосознание не входит в правовую систему «при формировании и осуществлении права (т.е. в процессе правоприменения)» [24, с. 9]. И хотя он не столь категоричен в оценке ничтожной роли правосознания при осуществлении права; как бы придает такой его роли вероятностный характер (вводит слово «вероятно») и даже отмечает, что «без правосознания не может быть уяснения правовых норм» и «оно (правосознание. — *О. С.*) присутствует на любой стадии осуществления права» [24, с. 9], однако его вывод о неприемлемости правосознания как компонента правовой системы однозначен. Ученый считает, что при употреблении категории «правовая система» в широком смысле (не равноценном праву) следует подразумевать особенности преломления права в процессе его осуществления, а «не роль правосознания в его преломлении» [24, с. 9]. Выходит, что право в процессе его осуществления «преломляется» за пределами правосознания, то есть вне субъекта, творящего, познающего и использующего право. В такой

интерпретации право предстает как абстрактно объективное явление, лишенное интересубъективности.

Для убедительности правоты своей позиции уважаемый ученый высказывает справедливое суждение о том, что правосознание «не всегда выступает основой для создания норм права» [24, с. 9]. Однако этот бесспорный факт отнюдь не исключает ответственной роли правосознания в любой форме юридической деятельности человека — при создании актов правотворчества, реализации норм права, толковании норм права и др.

С недооценкой роли правосознания, исключением его из комплекса компонентов правовой системы нельзя согласиться по следующим причинам.

Во-первых, правосознание как специфическая нормативная форма общественного сознания и право как система норм — генетически родственные понятия, которые существуют параллельно, занимают сопредельные места в правовой системе. Их нормативность не однозначна. Если нормы права являются внешне-объективированными, всеобщими, общеобязательными, формально-определенными моделями поведения [2, с. 113], то нормативность правосознания не имеет организованной целостности системы. Правосознание не наделено свойствами самостоятельности, автономности, которыми располагает право. Правосознание находит проявления в духовных, интеллектуальных, социально-психологических оценках в тех сферах жизни, которые связаны с правом (осознание обязательности правовых норм, морально-социальная оправданность правомерного поведения и др.). Нравственные нормы, религиозные традиции, стереотипы поведения — в сущности, это те же неформальные нормы, которые характеризуют социум и обеспечивают действенность формальных, юридических, норм. Так, норма о наказании за убийство достаточно действенна на Украине вследствие общественного несогласия с такого рода уголовным преступлением. А нормы антикоррупционного законодательства не столь действенны, прежде всего, через убеждение части населения страны о том, что взятка есть допустимый грех.

Вместе с тем, в отличие от нравственной, политической, экономической, религиозной и иных форм общественного сознания (с их помощью правовое сознание подвергает оценке реальность), правосознание не лишено специфической нормативности, которая сближает его с правом. Правосознание отражает правовую реальность, воздействует на нее и формирует определенные представления и суждения о внутригосударственных, международно-правовых явлениях. Правосознанию в большей степени, чем иным формам общественного сознания, присущи определенность, формализованность и другие нормативные начала [11, с. 151].

Правосознание отражает реальность «сквозь призму должного, через сформировавшиеся в обществе правовые принципы, нормативные установления и делает это в понятиях прав и обязанностей субъектов об-

щественной жизни» [21, с. 123–124]. Особенно активно правосознание проявляет себя через господствующие юридические доктрины и профессиональное мышление юристов. Такая регулятивная (нормативная) способность правосознания характеризует его как «одну из форм существования права» [21, с. 124] и неизбежный компонент правовой системы.

Право обладает сложным институциональным юридическим инструментарием, имеет опору в государственном принуждении, а правосознание выражается в суждениях о соответствии нормам права собственного поведения, правомерности актов, принимаемых органами власти и их должностными лицами, в правовой оценке социальных фактов, в осмыслении и подтверждении роли права.

Правосознание отражает само право, его функционирование; руководствуется существующими юридическими понятиями о правах и обязанностях членов общества и т.п., подвергает их анализу и оценке; определяет те отношения общественной жизни, которые объективно нуждаются в правовой регламентации; оценивает поступки людей в сфере права, правовые явления, возникающие в связи с действием правовых норм. Известно, что по качеству законов можно определить уровень правосознания парламентариев, судебных решений — судей; административных актов — должностных лиц административного аппарата. Поэтому правосознание исследуется отечественными учеными различных поколений [8; 14; 18; 23] как категория правоведения, которая находится в неразрывной связи с правом, входит в качестве элемента в механизм правового регулирования. В таком контексте оно квалифицируется как одна из форм общественного сознания, как субъективный образ правового мира, его копия, никогда полностью не совпадающая с оригиналом.

Формирующееся первичное правосознание (а также моральное, религиозное, политическое сознание), выраженное в идеях о правом и неправом, стимулирует зарождение права. Вследствие эффективности действий авторитетного субъекта или по другой причине такие действия приобретают институциональный потенциал — становятся привычкой, воспроизводятся многократными действиями последователей, то есть признаются значительной частью населения. Действия, которые обладают наиболее функциональной значимостью и повторяются в практической деятельности, постепенно начинают восприниматься правосознанием как объективное явление и превращаются в установку поведения. Из века в век правосознание вырабатывает представления о необходимости принятия тех или иных норм права, отведения им того места и роли в правовой системе, которые вытекают из объективных возможностей.

Особую роль в деле признания норм права, формирующихся в обществе, играет правосознание субъектов, участвующих в их формулировании при создании нормативно-правовых актов, а также совершенствовании, изменении, дополнении. Преломленное сквозь призму культуры субъектов нормотворчества и опосредованное всеми формами обще-

ственного сознания, право становится фактом правосознания. Формирование, формулирование, закрепление норм права происходит благодаря правосознанию участников правотворческого процесса.

Хотя право всегда было и есть важнейшим источником воспитания, преобразования и развития правосознания, его влияние на правосознание, направление этого влияния не однозначны и зависят от качества законодательства, его соответствия реальным потребностям, от уровня работы государственного аппарата. Право способно внедрить в сознание членов общества прогрессивные правовые идеи, принципы и представления, принадлежащие отдельным представителям общества с высоким уровнем правовой компетентности, после придания им формы определенного законодательного акта. Можно согласиться с тем, что «правосознание человека во многом определяется доступностью Закона и его моральной оправданностью» [5, с. 18].

Как и прежде, так и в наши дни велика роль правосознания при решении компетентными органами конкретных юридических дел в процессе применения правовых норм. Базирование деятельности судебных органов, органов внутренних дел, прокурорских и других органов на принципах законности, справедливости и гуманности не дает развиваться правовому нигилизму в обществе, способствует преодолению его «живучих» элементов, стимулирует соблюдение гражданами требований законодательства.

Благодаря правосознанию оценивается действующая правовая система, система законодательства, функционирующие либо готовящиеся к изданию конкретные нормы права, деятельность государственных органов и общественных организаций, собственное поведение и поведение окружающих, их соответствие правовым дозволениям, обязываниям, запретам. Правосознание (групповое, общественное) оказывает корректирующее воздействие на сознание отдельных лиц, способствует приближению индивидуального правосознания к общественному.

Следовательно, «жизнь» права, его норм, как и правовой системы общества, невозможна вне правосознания. Это означает, что право — объективный и субъективный феномен: правовой смысл нормы права имеет объективное значение, а субъективный смысл сосредоточен в ее ценностной составляющей — в социально-психологическом восприятии нормы права. В праве, в компонентах правовой системы (правовой культуре, правомерном поведении, правоотношениях, правопорядке) заключено духовно-нравственное и эмоционально-установочное содержание правосознания. Если общественная сознание — та среда, в которой «проявляется» право, являясь скорее условиям его существования, чем компонентом системы [16, с. 22], то правосознание выступает в двух качествах — предсистемы и компонента правовой системы.

Во-вторых, игнорируя правосознание как компонент правовой системы, мы лишаем конструкцию правовой системы жизненности. Оказывается неучтенным универсальный антропологический факт — только

человек из всех живых существ «наделен свойством быть юридическим существом», способностью «создавать и воспринимать юридическое» [4, с. 61]. Вне субъектов права, вне человека, его сознания и деятельности, немислимо общественное развитие, в том числе в сфере права. Именно субъекты права вследствие своей социализации, в целях удовлетворения (реализации) потребностей и интересов вступают в правовую коммуникацию, правовые отношения, формируют право и правовую систему. Именно субъекты права (индивидуальные и коллективные¹) как основные элементы социальной системы и носители прав и обязанностей выступают объединяющим началом права и правовой системы [19, с. 10].

За пределами субъектов права, которые обусловлены обществом и одновременно обуславливают его, нормы права лишены каких-либо регулятивных возможностей. Сами по себе нормы права не обладают самостоятельной внешней энергией, которая позволяла бы регулировать или управлять извне состоянием сознания и воли личности, группы, общества, приводить их установки, поступки, отношения в соответствие с правовыми предписаниями. Для такого воздействия права, его норм, необходимо встречное «движение» сознания и воли личности, группы и общества. Прежде чем выполнить регулирующую функцию, то есть влиять на сознание, волю и поведение людей, нормы права опосредуются сложным комплексом деятельности человека — психической и идеологической.

Само право, его нормы себя не определяют, их происхождение нельзя квалифицировать как исключительно объективное, поскольку право не существует вне человеческой, субъективной, идентификации части социальной реальности. В конечном счете, единство правовой системы задается не формальным принципом действительности и общезначимости права, а непрерывным характером развития личности, социальных групп, общества. В ходе этого развития общество самоотжествляется, т. е. отграничивает себя от других обществ путем формирования различных культурных норм и ценностей, в том числе и правовых. В этом случае право предстает не как «книга правил», а как «интерпретация социальной практики». А интерпретация невозможна без субъекта и его правосознания. Следовательно, право как объект познания (или наблюдения спланированного и подготовленного восприятия) не может быть независимым от субъекта познания (или наблюдения). Вне деятельности человека нет права как объекта. Именно человек фиксирует объект, но им является не само право, а свойства и отношения, которые складываются в связи с действием норм права в этой социальной реальности. При этом субъект права есть частью познающего объекта — права, его норм.

---

¹ Человек (индивид, лицо, гражданин) как реальный субъект права служит отправным началом для потенциального появления коллективных субъектов права — объединений общественных, коммерческих, государственных.

Недоучет или игнорирование субъектно-социального (институционального), духовно-интеллектуального компонента правовой системы — показатель некоей односторонней ее трактовки, близкой к нормативистской, формально-догматической.

В третьих, следствием недоучета субъектно-социального компонента правовой системы можно объяснить исключение из ее структуры связанных с правосознанием одних правовых явлений, например правомерного поведения, и признание других — правоотношений. Так, говоря о таких компонентах правовой системы как субъективные права и обязанности, которые потенциально готовы к реализации или реализуются посредством правоотношений либо вне них, уважаемый автор устанавливает момент, с которого они утрачивают такое качество. Этим моментом названо превращение правоотношений в реальное поведение субъектов права. По мнению российского ученого, поведение уже не является элементом правовой системы, оно находится «вне права и правовой системы» [24, с. 18].

Между тем любое поведение субъектов права в правовой сфере, то есть в сфере, урегулированной правом, является юридически значимым. Оно служит формой проявления свободы личности, важнейшей формой наличия определенной профессиональной деятельности, осуществляемой в государстве. Более того, без правомерного поведения в сфере действия права не происходят правоотношения, не реализуются права и свободы граждан, поскольку такое поведение выступает как юридический факт, который определяет его характер: правомерное поведение вызывает возникновение регулятивных правоотношений, неправомерные (правонарушения) — охранительных и защитных. Поведение за пределами правового регулирования общественных отношений является юридически нейтральным, не имеет юридического значения. То есть сами по себе, независимо от личностных условий и вне процессов саморегуляции поведения личности правовые нормы никакого регулятивного потенциала не несут.

Исключая правосознание из компонентов правовой системы, автор рассматриваемой статьи автоматически выводит за пределы правовой системы правовые явления, которые с правосознанием связаны, например, юридически значимое поведение. Известно, что правосознание, как специфическая форма сознания, имеет свой особый предмет отражения и объект воздействия. Предметом отражения правосознания являются реальные общественные отношения, требующие правового регулирования, само право, его функционирование, поступки людей в сфере права, а также правовые явления, возникающие в связи с действием правовых норм. Причем это отражение обладает той спецификой, что оно происходит на фоне сложившихся в обществе правовых реалий, на основе действующих юридических понятий о правах и обязанностях членов общества и т.п. Все они в совокупности подвергаются анализу и оценке. Следовательно, правосознание не только отражает юридическую дей-

ствительность, поведение людей в сфере права, но и участвует в регулировании поведения, а также в определении тех отношений общественной жизни, которые объективно нуждаются в правовой регламентации.

Поэтому как правоотношения, но и их превращение в реальное поведение (о котором пишет уважаемый ученый) не могут состояться без правосознания, поскольку всегда имеют сознательно-волевой характер. При этом поведение личности «определяется не самими правовыми нормами и содержащимися в них предписаниями, а представлениями об этих нормах и предписаниях, то есть правосознанием личности, равно как и нравственным сознанием» [7, с. 181].

Уже на уровне правомерной или неправомерной установки (сфера правосознания) осуществляется волевой процесс перевода правовых норм в реальное (правомерное или неправомерное) поведение в правовой сфере. Правовая установка — это состояние готовности личности проявить активность в области познания и реализации права, предрасположенность субъекта к определенной правовой активности в конкретной ситуации. На данном этапе еще не совершается конкретный поступок, но уже имеется нацеленность на него. Правовая установка выступает в виде субъективной нормы. В отличие от нормы права, имеющей в силу своей объективности обязательный характер для неопределенного круга лиц, нормативность установки существует лишь для конкретной личности и обеспечивается не публичной властью, а внутренним убеждением, совестью носителя установки.

Правда, не исключено, что установка на юридически значимое поведение может определяться не собственной позицией, сформированной на основе изучения и личной оценки данной нормы, а мнением окружающих, комментариями к норме представителей властей, трактовками этой нормы средствами массовой информации. Однако в любом случае возникновение правовой установки предполагает: информированность о норме права; понимание ее смысла; оценку, то есть степень одобрения нормы права; отношение к правам других лиц; эмоциональное переживание по поводу функционирования нормы права; готовность к действию. Итак, правосознание не только отражает юридическую действительность, поведение людей в сфере права, но и участвует в регулировании поведения, а также в определении тех отношений общественной жизни, которые объективно нуждаются в правовой регламентации.

В-четвертых, наше несогласие с исключением правосознания из компонентов правовой системы, отнюдь не означает умаление достоинств анализируемой статьи уважаемого ученого. Ценной стороной предложенной в ней и воспроизведенной выше дефиниции правовой системы является акцент на «единстве» норм и правопорядка, единстве норм и субъективных прав и обязанностей, правоотношений, то есть на целостности правовой системы, «правовых связях», связях элементов ее структуры (эти связи до сих пор еще недостаточно исследованы). Такой выход на уровень структуры системы позволяет уяснить качество, глу-

бинное содержание правовой материи, ее сущность. Убедительным является объяснение соотношения системы правоотношений и правовых связей вне правоотношений (соблюдение правовых запретов и исполнение правовых обязанностей). Не вызывает возражений дефиниция правоотношений (подчеркивание их индивидуальной определенности, конкретности участников), а также утверждение об отсутствии так называемых абсолютных правоотношений и многие другие положения [24, с. 18].

Однако, на наш взгляд, структура правовой системы, компоненты которой можно рассматривать в устойчивом состоянии (статика) и развитии (динамика), не раскрывается уважаемым ученым во всей полноте. Признавая компонентом правовой системы преимущественно ее нормативную (регулятивную) сторону (нормы права, влияющие на общественные отношения и порождающие субъективные права и обязанности) и отбрасывая производные правовые явления (правосознание, правовая культура, юридическая практика, делая исключение для правопорядка), с помощью которых достигаются конечные цели, мы рискуем нарушить принцип системности в изучении данного явления. При отсутствии одного из компонентов конструкция правовой системы в итоге утрачивает смысл.

Если проанализировать дефиницию правовой системы, предложенную российским ученым, с целью установления ее структуры, то можно выделить, по сути, два таких компонента: 1) правовые нормы (и индивидуальные установки, под которыми понимаются индивидуальные дозволения, предписания и запреты, не опирающиеся на правовые нормы [24, с. 19]); 2) правопорядок как систему субъективных прав и обязанностей, реализуемых или готовых для реализации посредством правоотношений и вне них (через правовые связи), или, точнее, правопорядок как «систему правовых связей и правоотношений» [24, с. 18].

Вместе с тем, из авторских рассуждений, предваряющих дефиницию правовой системы, следует, что правопорядок расценивается несколько иначе, чем это указано в дефиниции, а именно — «как результат практического действия права». Отсюда иным предстает и предварительное авторское формулирование структуры правовой системы — «нормы (и индивидуальные правовые установки) и практика» [24, с. 16]. Однако, высказав положение о том, что правовая система — это «право в действии», уважаемый ученый все же отвергает юридическую практику как компонент правовой системы. Он замечает, что практика «ближе к характеристике правовой системы в целом, а не к одному из ее компонентов» [24, с. 16]. Такая неопределенность позиции указанного автора относительно структуры правовой системы, где только один элемент оказывается определенным (правовые нормы), а второй — четко не установлен (то практика, то правопорядок), по меньшей мере, вызывает удивление. Между тем, логика формирования и совершенствования правовых норм (системы права) свидетельствует о том, что они являют-

ся результатом выявления субъектами правосознания и нормотворчества потребностей общественной (в том числе юридической — правотворческой, правореализационной и иных форм) практики.

Что касается правопорядка как компонента правовой системы², то его структура не может быть сведена к системе правовых связей и правоотношений. Правопорядок — состояние относительно упроченной правовой упорядоченности (урегулированности и согласованности), защищенности и безопасности правовой системы общества, которое складывается в условиях реализации принципа верховенства права и авторитета закона (правозаконности). То есть это атмосфера (устройство) нормальной, благоприятной, правовой жизни общества, устанавливаемая в результате осуществления предписаний правовых норм (использования прав, выполнения обязанностей, соблюдения запретов) всеми субъектами права [20, с. 499]. Правопорядок служит показателем степени слаженности, сбалансированности функционирования всех структурных элементов правовой системы, качества правовых связей между ними.

Разделяя мнение украинского ученого (А. Крыжановский) о том, что правопорядок невозможно выводить исключительно из системы различных правовых явлений, «лишая его собственной качественной определенности» [6, с. 20], считаем, что реальную картину поддержания правопорядка в обществе определяют надлежащие правореализация, правоприменение и другие правовые формы деятельности государства. Выходит, что не только правовые отношения, но и правомерное поведение, правовая деятельность обуславливают качество правопорядка. Обобщенно можно сказать, что порядок вводится в правовые рамки правовыми актами, основывающимися на ценностях свободы, справедливости и формального равенства, поддерживается надежными гарантиями реализации прав и интересов человека, эффективным функционированием учреждений гражданского общества и механизмов государственной власти.

Как комплексное динамическое правовое явление, правопорядок имеет, прежде всего, личностную и социальную ценность: он берет начало с биологической организации социализованного лица, которому присуща тяга к порядку. Более того, в сознании субъекта права формируется образ (общее представление) правопорядка путем объединения рационального и идеального образов (представлений) об упорядочении правом общественной жизни [6, с. 8—9]. На формирование образа национального правопорядка влияет правовая оценка степени его надежности, устойчивости, которая нередко производится в результате сопоставления предыдущих и настоящих правопорядков — национальных, интеграционных/межгосударственных, международного.

---

² Поскольку этот вопрос объемный, многогранный и нуждается в специальном освещении, мы останавливаем на нем внимание лишь в рамках заявленной темы статьи.

Субъекты права заинтересованы в стабилизации, поддержании равновесия между гражданским обществом и государством, создании необходимой безопасности, то есть такого состояния, когда можно предвидеть решения юридических ситуаций и рассчитывать на гарантирование осуществления прав и законных интересов. Осознание и признание субъектами права правовой защищенности, безопасности и упорядоченности общественной жизни — высшая оценка качества правопорядка как компонента правовой системы. Значит, правопорядок не может быть установлен без правосознания общества, социальной группы, лица, что подтверждает ранее высказанное положение о том, что правосознание присутствует всегда и везде, как на стадии формирования права, выступая исходным материалом, предсистемой правовой системы, так и ее непреходящим компонентом.

Таким образом, правосознание существует «до» права, в известной мере как бы опережает юридическое право, является его непосредственным идейным источником, предшествует ему, придает в общественном мнении значение «правовых» индивидуальным отношениям. Правосознание действует «параллельно» с правом: улавливает потребности его совершенствования в направлении отображения объективных общественных процессов; определяет изменения и перспективы развития права; оказывает непосредственное влияние на процесс и результаты правотворчества. Правосознание существует «после» права в том смысле, что служит ориентиром выбора целесообразного, оптимального варианта поведения в границах норм права, которые применяются или реализуются; является интеллектуальным инструментом эффективного использования законодательства, толкования норм права; может использоваться как важный инструмент применения аналогии закона и права в целях преодоления пробелов в законодательстве. Правосознание выступает в качестве идейно-нравственного измерителя профессионализма деятельности должностных лиц в системе органов государственной власти и местного самоуправления; служит способом обеспечения законности и справедливости применения правовых норм (в частности, при определении юридической ответственности за правонарушения).

Ключевой пункт правосознания — осознание человеком ценностей права, его прав и свобод и оценка действующего права с точки зрения его соответствия общечеловеческим ценностям, закрепленным в международных документах о правах человека. Это означает, что международное гуманитарное правосознание имеет приоритет перед национальным. Поэтому всегда актуальной является аксиома правосознания: «Важно понимать право, которое мы имеем, но не менее важно понимать, какое право мы хотим иметь» [25, р. 36].

Отсюда следует общий вывод о том, что правосознание, будучи предсистемой правовой системы и являясь неперенным ее компонентом, одним из ее общих средств, средств-действий, «отвечает» за качество

формирования и функционирования правовой системы, эффективность ее развития в направлении утверждения принципа верховенства права.

Л и т е р а т у р а

1. Алексеев С. С. Право и правовая система / С. С. Алексеев // Правоведение. — 1980. — № 1. — С. 25–34.
2. Алексеев С. С. Теория права / С. С. Алексеев. — М.: БЕК, 1993. — 224 с.
3. Винюкова И. В. К вопросу о структуре правовой системы / И. В. Винюкова // Правовая политика и правовая жизнь. — 2003. — № 2. — С. 130–145.
4. Карбонье Ж. Юридическая антропология : учебник / Ж. Карбонье. — М., 1986. — 312 с.
5. Ковлер А. И. Антропология права : учеб. для вузов / А. И. Ковлер. — М.: НОРМА, 2002. — 467 с.
6. Крижанівський А. Ф. Правопорядок суверенної України: становлення та тенденції розвитку (загальнотеоретичне дослідження) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Крижанівський Анатолій Федорович. — О., 2009. — 29 с.
7. Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность / В. Н. Кудрявцев. — М.: Наука, 1986. — 212 с.
8. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность / Е. А. Лукашева. — М.: Юрид. лит., 1973. — 344 с.
9. Луць Л. А. Современные правовые системы мира : монография / Л. А. Луць. — Львов: ЛНУ им. И. Франко, 2003. — 274 с.
10. Матузов Н. И. Правовая система развитого социализма / Н. И. Матузов // Советское государство и право. — 1983. — № 1. — С. 10–23.
11. Общая теория права / под ред. А. С. Пиголкина. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1998. — 384 с.
12. Оніщенко Н. М. Правова система: проблеми теорії : монографія / Н. М. Оніщенко. — К.: Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького, 2002. — 352 с.
13. Онуфрієнко О. В. Правові засоби у контексті інструментальної теорії права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Олексій Вікторович Онуфрієнко. — Х., 2004. — 21 с.
14. Остроумов Г. С. Правовое осознание действительности / Г. С. Остроумов. — М.: Наука, 1969. — 198 с.
15. Петришин О. До проблеми соціалізації юридичних знань / Олександр Петришин // Про українське право. Правова освіта і наука. Методологія юридичних досліджень. К.: Грамота, 2009. — Чис. IV. — С. 50–55.
16. Поляков А. В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения / А. В. Поляков // Государство и право. — 2000. — № 2. — С. 20–26.
17. Рабинович П. Основы общей теории права и государства : учеб. пособие / П. Рабинович. — Изд. 7-е, с изм. — Х.: Право, 2005. — 219 с.
18. Сапун В. А. Социалистическое правосознание и реализация советского права / В. А. Сапун. — Владивосток, 1984. — 167 с.
19. Скакун О. Ф. Правова система України на правовій карті світу / О. Ф. Скакун. — Х.: Еспада, 2004. — 454 с.
20. Скакун О. Ф. Теорія права і держави : підручник / О. Ф. Скакун. — К.: Правова єдність, 2009. — 519 с.
21. Спиридонов Л. И. Теория государства и права : учебник / Л. И. Спиридонов. — М.: Проспект, 1999. — 516 с.
22. Теория государства и права : учеб. для вузов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. — 2-е изд. — М.: НОРМА, 2003. — 616 с.

23. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания / И. Е. Фарбер. — М.: Юрид. лит., 1963 — 205 с.
24. Черниченко С. В. Вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права как правовых систем (Размышления по поводу некоторых книг коллег) / С. В. Черниченко // Правоведение. Известия высших учебных заведений. — 2009. — № 1. — С. 9–20.
25. Law and Legal Cultures in the 21th Century. Diversity and Unity (Plenary lectures) / ed. T. Gizbert-Studnicki, J. Stelmach. — Warsaw, 2007. — 308 p.

А н о т а ц і я

Скакун О. Ф. Правосвідомість — компонент правової системи чи її передсистема? — Стаття.

У статті крізь призму теорії правової системи робиться спроба аналізу правосвідомості у трьох її іпостасях: як передсистеми, підсистеми та компонента правової системи. Зроблено висновок, що правосвідомість діє «до» права, «паралельно» праву та «після» права, що дозволяє говорити про правосвідомість як передсистему права.

Ключові слова: правосвідомість, правова система, компоненти правової системи.

А н н о т а ц и я

Скакун О. Ф. Правосознание — компонент правовой системы или ее предсистема? — Статья.

В статье сквозь призму теории правовой системы предпринята попытка анализа правосознания в трех его ипостасях: как предсистемы, подсистемы и компонента правовой системы. Сделан вывод о том, что правосознание действует «до» права, «паралельно» праву и «после» права, что позволяет говорить о нем как о предсистеме права.

Ключевые слова: правосознание, правовая система, компоненты правовой системы.

S u m m a r y

Skakun O. F. Legal Consciousness — Component of Legal System or Its Pre-System? — Article.

In the article through the prism of the theory of the legal system attempts to analyze legal consciousness in its three guises: as premo-system, sub-system and component of the legal system. Concluded that legal consciousness acts «before» law «in parallel to» law and «after» law, which allows us to speak of him as a premo-system of law.

Keywords: legal consciousness, legal system, components of legal system.